

АШИРА
ХААН

ЛЮБОВЬ
БЕЗ ДРЕСС-КОДА

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
X12

Редактор серии *Е. Харламова*

Дизайн переплета *Е. Тинмей*

Хаан, Ашира.
X12 **Любовь без дресс-кода / Ашира Хаан.** – Москва :
Эксмо, 2021. – 352 с.

ISBN 978-5-04-113381-8

«О нет, я в постели со своим начальником! Служебный роман – это так горячо и сладко... Захватывает дух, и по телу разбегаются мурашки».

«Это был невероятно яркий день. Невероятно яркая ночь. Ну как теперь от него уходить? А надо».

«После медового месяца всегда следует полынный. И то, что растекалось сладостью в сердце, вдруг становится горечью на губах».

Он большой босс, она обычная служащая, их обжигающе-страстный роман как сказка про Золушку. Их безумная любовь нарушает запреты и ставит все с ног на голову.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113381-8

© Ашира Хаан, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

Кофе

У меня сегодня на редкость паршивый день. Минус двести по шкале от нуля до десяти. Мой кофе давно остыл, магазины в этом ТЦ уже опустили свои железные занавесы, а ехать домой я катастрофически не хочу.

Пока я не вернулась — день не закончился. А значит, есть надежда, что он окажется не таким уж паршивым. Может быть, я найду на дороге кошелек с миллионом мелкими купюрами. Или встречу Криса Хеймсворта, которому как раз не с кем сходить в ресторан. Или вдруг позвонят из ООН и пригласят работать в штаб-квартиру в Брюсселе. Или где у них там штаб-квартира?

Но пока я сижу в маленькой кофейне на первом этаже башни «Федерация» в Москва-Сити, и у меня паршивый день.

Очень себя жалко. И ужасно обидно.

И поэтому совершенно наплевать, что там кто-то ругается у стойки. Пусть хоть поубивают друг друга, хоть развлекусь.

— Ты знаешь, что это федеральный закон? Ты вообще знаешь, что такое федеральный закон, или ты кофе продаешь, потому что тебя из пятого класса за тупость выгнали?!

Ну вот я знаю, что такое федеральный закон, а счастья нету. Впрочем, мужика, который орет на девочку-баристу, это знание тоже не сделало добрее. Тогда какой в нем смысл?

— Я просто хочу свой кофе! Я просто хочу заплатить за этот гребучий кофе! В чем проблема вообще?!

Действительно, в чем проблема? Кофе тут есть, я проверяла. Причем за деньги, это я тоже проверяла. Нет никакой нужды так орать. Дал денег, взял кофе. В чем у них там беда-то?

Я вздохнула, поняв, что мне уже почему-то не наплевать, я уже снова несусь на помощь, как маленький Бэтмен или даже Супермен. Нет, лучше Супервумен. Еще не решила, кого буду спасать, но пока симпатии на стороне баристы. Нефиг орать на беспомощных девочек и еще тыкать им без разрешения.

Мы с моим остывшим кофе выползаем из того угла, где сидели последний час, и идем разбираться. Судя по тому, какими большими становятся у баристы глаза, она обо мне начисто забыла. Может быть, даже в носу ковыряла, пока думала, что тут никого нет. Ладно, шутки в сторону, девочка реально чуть не плачет.

— Нет связи, терминал не работает, — бормочет она, глядя снизу вверх на нависающего над ней мужчину в ослепительно-черном костюме. Мне казалось, это моветон — ходить в офис, как на похороны.

Хотя что я знаю о здешних нравах? Мне сегодня прямым текстом сказали, что и не узнаю никогда. Мордой не вышла. Точнее, не совсем мордой.

— Но вы обязаны!

— Может быть, у вас есть наличные... — И слезки кап-кап.

Божечки-кошечки, ну что за вселенская трагедия?..
 Причем я вижу, что кофе она уже сделала, держит его в лапках, но, видимо, даже не имеет права подарить за счет заведения, а то бы давно разрешила конфликт.

— Двадцать первый, мать его, век! Две тысячи девятнадцатый год! Современный мегаполис! Самое распонтованное место во всем современном мегаполисе! Наличные, говорит она!

Сколько пафоса. Я выгребая из карманов сдачу от своего кофе. Самый дорогой тут стоит двести с хвостиком рублей, значит, трехсот должно хватить. Подхожу к стойке, причем мужик в похоронном костюме меня даже не замечает, и хлопаю купюрами об стол:

— За мой счет!

И вот тут он ко мне разворачивается.

Оу.

Оу.

Оу.

Нет, я бы предпочла работу в ООН или миллион мелкими купюрами, но вот Крис Хеймсворт явно опоздал.

Я прямо столбенею, как этот хам красив.

У него очень черные выющиеся волосы, очень светлые серые глаза, и даже сейчас, когда он отвратительно, мерзко и недостойно орет на бедную баристу, кривя очень красивые чувственные губы, я вижу, что они могут сложиться в соблазнительную улыбку, против которой вряд ли кто-то может устоять.

Я вспоминаю, как школьная подруга Юлька говорила, что светлые волосы при темных глазах и наоборот — признак породы. Какой породы, почему породы? Ей просто это льстило, потому что она была

блондинкой с карими глазами. А этот вот — как раз наоборот, да.

Он, кстати, тоже столбенеет. Да, мне есть чем удивить.

Аккуратно вынимаю у баристы из рук кофе, подвигаю к ней купюры и отдаю стаканчик красавцу. Он автоматически берет его, продолжая пялиться на меня. Точнее — на мои волосы. Но первая сигнальная система что-то там ему передает, и он переводит взгляд на свои руки:

— Это что?

— Ваш кофе, — вежливо информирую я. — Я вам его купила, чтобы вы так не страдали.

— Я сам могу купить себе кофе! — возмущается красавчик.

— Очевидно, не можете, — пожимаю я плечами. — Да берите. Говорят, для профилактики Альцгеймера полезно каждый день делать что-то новенькое, чего вы никогда раньше не делали. Пусть сегодня у вас будет то, что за ваш кофе заплатит безработная девушка.

— С сиреневыми волосами...— ошалело говорит красавчик, все еще не отводя взгляда от моей головы.

— Да уж, — огорченно говорю я.

Так и хочется заметить, что мои глаза немного ниже. Пусть бы хоть на сиськи смотрел, что ли.

Я ободряюще улыбаюсь баристе, с трудом удерживаюсь от того, чтобы хлопнуть красавчика по плечу, и мы с моим остывшим кофе выходим в жестокий мир за пределами кофейни. Пусть все переварят свой новый опыт.

Заворачиваю за угол, прячусь в щель между двумя уже закрытыми бутиками, сажусь на корточки и начинаю плакать. У меня очень паршивый день.

Звездное небо

Не так много в моей жизни было уникальных дней, чтобы все свалилось сразу.

С утра бросил парень, в обед лишилась всех сбережений и подруги — это связанные факты! — а вечером отказали в последней компании, куда я пыталась устроиться на работу. Честно говоря, таких дней до сих пор вообще не было.

Хотя звоночки начались еще два месяца назад, когда нас на работе собрал генеральный директор и объявил, что компанию купил большой холдинг и... теперь ее закрывает. Сокращения, банкротство, по соглашению сторон, по собственному — вот что у нас в меню.

Всего десять человек — и мы оказались не нужны. Хотя все это время успешно трудились, ни разу не произнося слов «это не моя работа», потому что вся работа была нашей. Мы болели за компанию как за свое дело.

Потому особенно обидно было увидеть в своей трудовой, что семь лет я, оказывается, проработала «менеджером социальных сетей». Тем самым SMM, которыми берут мамочек в декрете, потому что считается, что времени и мозга там не нужно. Вроде бы всего лишь запись, на самом деле я делала больше, но кого в этом теперь убедишь?

На всех собеседованиях у меня очень ласково и аккуратно интересовались, почему молодая амбициозная девушка сразу после института за столько времени не построила хотя бы хлипкую карьерку. Хоть бы до редактора или технического писателя не доросла?

Это если меня вообще приглашали на собеседование.

После каждого отказа я отчаивалась все больше, а мой бойфренд хмурился и вместо «у тебя все получится, я в тебя верю!» заводил разговоры на тему, что он не готов к жене-домохозяйке и детям. Что он любит целеустремленных девушек, ярких, творческих. «Вот как ты, Яна, но что-то ты в последнее время погасла. Нет, я понимаю, нервы, обиды, тяжелые времена. Тебе, конечно, сложно, я вижу. А какие у тебя дальнейшие планы?»

И вот пару недель назад во время какой-то мелкой ссоры он ни с того ни с сего зашелся и назвал меня инфантильной.

— Посмотри, — орал он, — ты же ребенок! И ладно бы няшная нимфетка, нет, ты как будто мерзкий подросток-пацан. Играешь в компьютерные игры, гоняешь на самокате, слушаешь какую-то пургу вместо музыки, и еще твои волосы! В двадцать восемь лет краситься в сиреневый — это детство в жопе, Яна!

Потом он извинялся и даже говорил, что вовсе не это имел в виду. Но вот сегодня с утра снова всплыло словечко «инфантильная».

— Тебя, — сказал он, — потому на работу и не берут, что с первого взгляда на твою сиреневую башку все видно. И сегодня не возьмут.

Я возражала — сегодня возьмут! Идеальная должность, я на нее подхожу на 200%

Он так холодно и зло спросил:

— Уверена?

Я предложила поспорить.

На мороженое.

И это было последней каплей.

Я еще немножко надеялась, что, когда все-таки получу эту работу, напишу ему, и он признает, что был

не прав. Извинится. И все будет, как раньше. Но я ее не получила.

Подруга с деньгами оказалась просто милым бонусом. Мы с Машкой семь лет работали вместе. И компенсацию за сокращение и отпуска нам тоже выплатили одинаковую. Она попросила у меня эти деньги в долг, чтобы купить машину. Обещала отдать сразу, как закончится срок вклада, где все ее накопления. Мол, раньше не снять, потеряет проценты. Срок закончился сегодня.

— Ахаха, — сказала она, — Яна, ты реально думаешь, что кто-нибудь в мире стоит полмиллиона? Дружили бы мы с тобой с детсадовских горшков, я бы подумала. Но мы просто коллеги. Даже в дальнем кругу на всякий случай тебя держать невыгодно, ты ведь ничего не добьешься, ты — неудачница. Ты даже расписку с меня не взяла. Не было никаких денег, забудь. Можно подумать, ты бы не променяла меня на полмиллиона? Не ври себе, я же себе не вру.

Такой вот день. Официально самый худший в моей жизни.

Я еще немножко похлопала носом и встала. Ничего, как-нибудь справлюсь. Квартиру мне бабушка оставила в наследство, на макароны наскребу. Пойду, в конце концов, мороженщицей работать.

Детям мой цвет волос понравится.

До полуночи оставалось полчаса. Вот пробьет двенадцать раз и побегу домой, теряя туфельки, к своей тыкке и крысам.

В холодных стальных коридорах не осталось ни одного открытого магазина, все были задвинуты сверкающими жалюзи. И торговый центр с его закруг-

ленными коридорами стал похож на космический корабль: блестящие полы, холодный свет ламп, задранные люки.

И ни одной урны — так я и вышла на улицу со своим пустым стаканчиком из-под кофе.

Тут тоже не было ни души. Ветер завывал, носясь между небоскребами, как между скалами в пустыне. И снова некуда выбросить мусор. Мы со стаканчиком стали уже лучшими друзьями. Ну невозможно же, чтобы сегодня мне не везло даже в такой ерунде!

Я обернулась, чтобы посмотреть в последний раз на Москва-Сити и пойти уже к метро — и вдруг застыла на месте от невероятной красоты.

Над Москвой почти не видно звезд — слишком много городских огней. Я уж и не помню, когда в последний раз видела настоящее небо, оно осталось в воспоминаниях о поездках к бабушке в деревню.

Но сейчас: огромные черные скалы закрывали неживой свет города, и ярко светились разбросанные тут и там горящие окна в офисах и квартирах.

Надо мной нависало звездное небо.

Люди спрятали его, потеряли, но потом спохватились и сделали рукотворное.

И оно было невероятным, огромным и почти таким же могучим, как настоящее.

Я стояла так несколько минут, потрясенная этой красотой.

И тут сзади раздался гудок, от которого я подпрыгнула с места на метр, как кошечка, увидевшая огурец.

Обернулась — из опущенного окна «Порше кай-енна» торчала лохматая голова красивого хама из кофейни.

— Я забыл сказать спасибо! — сказал он, улыбаясь именно так, как я думала он будет улыбаться — открыто, радостно и так обаятельно, что невольно начинаешь улыбаться в ответ.

Приглашение

— Пожалуйста, — отозвалась я, возвращаясь к любованию рукотворным небом. Меня такой ерундой не проймешь. К тому же я уже видела, каким он может быть неприятным. Баристе он тоже сказал спасибо? И сигналить не стоило.

И вообще, что хорошего может случиться в день, когда я даже урну не могу найти, чтобы выбросить мусор?

Я ждала звука отъезжающей машины, но вместо этого услышала хлопанье дверцы и шаги. Сероглазый красавец подошел ко мне, встал рядом и тоже задрал голову:

— Вы так смотрите, будто из провинции и никогда не видели небоскрегов.

— Будь я из провинции, это было бы по-настоящему обидно, — отозвалась я деланно равнодушно. Но на самом деле я почти заработала косоглазие, пытаюсь рассмотреть его, не поворачиваясь и не выдавая своего интереса.

— А вы нет?

— А я нет. Просто редко тут бываю и впервые — ночью.

— А я тут часто, но никогда не замечал, что это действительно красиво.

Вот тут я удивленно повернулась. Он тоже оценил?

Он стоял, задрав голову и засунув руки глубоко в карманы делового костюма. Смотрелось по-мальчишески. Я даже подумала, что на дорогих костюмах карманы надо зашивать, оставляя для красоты, как на женских платьях. А то несолидно. Но он вообще был ужасно несолидный, хоть на вид и старше меня.

— Это такая вежливая беседа среди каменных джунглей? — усмехнулась я.

— Я хотел пригласить вас в ресторан, если вы не против... — Он наклонился, разглядывая надпись на моем стаканчике и потом упираясь в меня своим прозрачным взглядом. — Яна.

Традиция писать имена на стаканах, которую маленькие кофейни перетащили у большого «Старбакса», выдала меня ему на блюдечке.

— В честь чего это? — подозрительно спросила я.

— Хочу отплатить за ваш широкий жест. — Теперь он смотрел не на небоскребы, а на меня, но с таким же интересом. — Такой новый опыт для меня все же чересчур.

— Пожалуй, откажусь. Исключительно из заботы о вашем здоровье.

Не думаю, что ему часто отказывали. По крайней мере, он выглядел удивленным и даже недоуменно приподнял одну бровь и нахмурился:

— Мне кажется, вам тоже была бы полезна профилактика Альцгеймера. — Он нахмурился еще сильнее. — Как насчет нового опыта? Со мной? Вы ведь наверняка никогда не ездили в машине с человеком, которому купили кофе.

— Ездил. — Я улыбнулась. Он начал вызывать у меня симпатию.

— И который назвал вас провинциалкой?

— Ездила. — Я улыбнулась еще шире.

— И повез в ресторан «Накануне лета».

— Сдаюсь! — Я рассмеялась. Про этот ресторан я даже не слышала. — Умеете вы оборачивать слова людей против них.

— Должность обязывает.

— А что за должность? — заинтересовалась я. Вообще-то с такой внешностью ему бы моделью работать. В крайнем случае в кино сниматься. А в российском бизнесе вряд ли любят таких красавчиков, у нас все сурово.

— Тут бы мне оказаться адвокатом или политиком, — с досадой прищелкнул он языком. — Но вынужден перестать выпендриваться и признаться, что генеральный директор. Ну и владелец компании, если просто директор вас недостаточно впечатлит.

— А зачем вам надо меня впечатлять? — Тем более что я уже и так на крючке и трепыхаюсь только из врожденного чувства противоречия.

Даже если бы он позвал меня в Макдоналдс и оказался грузчиком, я бы повелась только на эту улыбку и чувство юмора. Хотя грузчик с «Кайенном» тоже интересный персонаж.

— Чтобы вы согласились. Я ведь, правда, всю ночь спать не буду, чувствуя, как ужасно поступил, став буквально альфонсом. — Он прижал к груди руку, сложил брови домиком и посмотрел на меня такими прекрасными жалостными глазками, что котик из Шрека ушел, рыдая, на курсы актерского мастерства.

— Мне кажется, вам это полезно, — жестоко и хладнокровно ответила я.